

Ч И Т А Й Т Е   Р О М А Н Ы  
К О Р О Л Е В Ы   П С И Х О Л О Г И Ч Е С К О Й   И Н Т Р И Г И

## Анны Даниловой

Когда меня не стало  
Крылья страха  
Выхожу тебя искать  
Волчья ягода  
Мне давно хотелось убить  
Саван для блудниц  
Черное платье на десерт  
Девушка по вызову  
Рукопись, написанная кровью  
Парик для дамы пик  
Пикник на красной траве  
Шоколадный паж  
Роспись по телу  
Этюд в розовых тонах  
Последняя защита адвоката,  
или Плошевый свидетель  
Услуги особого рода  
Яд Фаберже  
Комната смеха  
Мальтийский апельсин  
Виртуальный муж  
Японская молитва  
Цветы абсолютного зла  
Страна кривого зазеркалья  
Платиновая леди  
Танцующая на волнах  
Свергнутая с небес  
Гламурная невинность  
Древний инстинкт  
Женщина-ветер  
Нирвана с привкусом яда  
Правда о первой ночи  
Дама из Амстердама  
Игры с темным прошлым

Властелин на час  
Белоснежный лайнер в другую  
жизнь  
Бронзовое облако  
Самый близкий демон  
Первая жена Иуды  
Delete  
Хропики Розмари  
Солнце в ночном небе  
Ледяное ложе для брачной  
почи  
Подарок от злого сердца  
День без любви  
Печальная принцесса  
Призрак Монро  
Персиковый мед Матильды  
Издержки богемной жизни  
Вспомни обо мне  
Красное на голубом  
Сердце химеры  
Госпожа Кофе  
Дождь тигровых орхидей  
Миф Коко Банча  
Одинокие почи вдвоем  
Алый шар луны  
Черника на снегу  
Девять жизней Греты  
Смерть отключает телефон  
Шестой грех  
Меня зовут Джейн  
Звезды-свидетели  
Витамин любви  
Две линии судьбы  
Когда остановится сердце  
Призраки знают все

Аромат желания  
За спиной — двери в ад  
Тайная любовь Копперфильда  
Любовница не по карману  
Красивая, богатая, мертвая...  
Пожиратели таланта  
Черный пасодобль  
Серебряная пуля в сердце  
Незнакомка до востребования  
Ангел в яблоневоm саду  
Из жизни жен и любовниц  
Тринадцатая гостя

Прекрасный возраст, чтобы  
умереть  
Приговоренный к жизни  
Признания грешницы  
Дом на берегу ночи  
Ведьма с зелеными глазами  
Пленница чужих иллюзий  
Девушка, не умеющая  
ненавидеть  
Цветок предательства  
Мишень для темного ангела  
Грех и немножко нежно  
Если можешь — прости  
Убийство в соль минор  
Уставшая от любви  
Плата за роль Джульетты  
Одно преступное одиночество  
Слезинка в янтаре

# АННА ДАНИЛОВА

---

Разве полиция отыщет молодость,  
которую у тебя украли?

---



Дождь  
ТИГРОВЫХ ОРХИДЕЙ

Москва  2017

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Д18

Оформление серии *С. Прохоровой*

**Данилова, Анна Васильевна.**

Д18     Дождь тигровых орхидей : [роман] / Анна Данилова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-089841-1

Похищают лучшее — лучшие драгоценности из шкатулки, лучшие цветы из оранжереи, лучшие идеи и музейные картины. И конечно, только очень немногих, нет, не лучших, а уникальных невест. Невероятно, но такие, как Маша, в наши дни еще встречаются. Впрочем, в этой истории невероятно все — от тигровых орхидей, которые преподнесет ей жених, до странного клубка обиженных, влюбленных и потерянных, где нет правых и виноватых, только похищенные чувства, украденная молодость, потерянные иллюзии...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089841-1

© Дубчак А. В., 2017  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Э», 2017

Нельзя сказать, чтобы тем утром Дмитрий проснулся не в духе, вовсе нет. Квадрат его спальни был полностью залит июньским солнцем, а это означало, что впереди еще один день работы над пейзажем. Но щебетание Марты за дверью, плеск воды, звуки шагов — так ходит по веранде отец, когда курит свою первую за утро сигарету, — звон посуды из летней кухни, визг детей, доносящийся с пляжа, — все это как-то раздражало, отвлекало. Он долго лежал, не в силах подняться, и разглядывал узор на кружеве занавесок. Внезапно в дверь постучали. Митя вздрогнул. Это стучала, конечно же, она. «Марта совсем сошла с ума. Если ее не остановить, то отец все узнает. Что она придумала на этот раз? Ну, давай-давай, Марточка, открой дверь, скользнь блестящей свежеумытой змейкой в спальню, нырни под одеяло, замри, прильнув своей шелковой головкой к моему горячему плечу, и укуси

меня больно-больно, но не до смерти — мне еще многое надо успеть сделать в этой жизни». Но он обманывал себя, равно как и ее, и отца, всех. Марта волновала его. И если отец сейчас уйдет на пляж, она снова заберется к нему в постель и собьет простыни в большой солнечный ком, пропитанный запахом ее духов, мыла и кофе, который, служа верным предлогом для ее прихода, непременно разольется по тумбочке и зальет лежащую на ней пачку сигарет.

Марта Миллер родилась на двадцать лет позже отца Мити. Сыграв после театрального училища несколько заметных ролей в местном драмтеатре, она как-то летом на пикнике наступила на ржавый гвоздь и угодила в больницу с заражением крови, ей сделали операцию на пятке, после чего она и стала прихрамывать. Понимая, что теперь не сможет играть на сцене, Марта устроилась костюмершей в свой же театр — благо шить она умела, — где ее и увидел Сергей Петрович Дождев. Шел спектакль, он сидел в партере позади нее и все первое действие разглядывал ее красивый затылок и округлые плечи. В антракте он пригласил Марту в буфет, угостил пирожными с розовым кремом и лимонадом. Потом они покурили у нее в костюмерной и, выключив свет, познакомились поближе. Через неделю Дождев пришел домой, собрал чемодан

и, сказав сыну, что переезжает к Марте и что Митя может смело занимать и его комнату — его мать сбежала из дома к скрипачу симфонического оркестра, — ушел. Дмитрий остался один в просторной трехкомнатной квартире, которую друзья называли мастерской. Все холодное время года Митя проводил там, практически не выходя из дома. Квартира была теплая, в ней было много диванчиков, кресел и просто удобных тихих уголков с подушками и пледами, куда можно было зарыться и уснуть.

— Я зимой не живу, а существую, — объяснял скучным голосом Митя свое сонливое состояние натурщицам, которые пестрыми бабочками вились вокруг него, требуя за трехчасовую неподвижность любви или хотя бы ласки.

В большинстве своем это были молоденькие балерины из хореографического училища — тоненькие, стройные, с гладко зачесанными волосами, свежими лицами, но порочными взглядами. С ними было легко, они все понимали и, порой разглядев на лице Мити выражение отрешенности, старались не надоедать ему своими визитами. Сложнее было с Мартой. Увидев Митю впервые на дне рождения Сергея Петровича, она весь вечер не спускала с него глаз. Очень сексуальная, одетая в зеленый креп изящная хромоножка пила одну рюмку за другой, не

отрывая взгляда от молчаливого темноглазого пасынка. Она подкладывала ему салаты, а когда начались танцы, старалась быть поближе, чтобы прикоснуться к нему, почувствовать, убедиться, что он ей не пригрезился, что это нежное, но в то же время мужественное существо имеет плоть, что его свитер колюч, а волосы пахнут лимоном. Сергей Петрович радовался такому вниманию своей Марточки к Дмитрию и улыбался, меланхолично разглядывая прозрачное луковое кольцо на вилке.

— Я рад, Митя, что ты пришел.

Марта стала приходить в мастерскую, приносить котлеты, домашнюю икру и варенье. Она молча прибирала, мыла полы, чистила раковины от красок, заставляла Митю вовремя замачивать кисти, а иногда ходила для него в салон за белилами или охрой. Она двигалась по дому быстро и тихо, стараясь не быть навязчивой, и постепенно сделала так, что Митя сам уже хотел, чтобы она заглянула именно в ту комнату, где стоял мольберт. Он не мог при ней работать, сидел перед холстом, пока перед глазами не начинал идти цветной дождь, тогда он закрывал глаза и представлял себе Марту голой. Он видел ее театральные фотографии, и ему было жаль бедняжку. Быть может, тогда, накануне Женского мартовского дня, он просто пожалел ее?

Шел дождь, Митя сидел с закрытыми глазами перед чистым холстом, а Марта жарила курицу на кухне. Он открыл глаза и вдруг увидел ее. Она стояла, прислонившись к дверному косяку и подогнув короткую ножку, по-зимнему белая, с розовато-перламутровым оттенком, хрупкая, плечи закутаны в русые кудри, а глаза ничего не видят, ничего.

— Подойди ко мне, — сказала она.

Он подошел и обнял.

— У тебя плечи холодные... и колени.

Когда она ушла, он нарисовал углем совокупляющуюся пару. Марта не успокоила его. Хоть она была и умной, и чувственной. Он и хотел, чтобы она пришла еще раз, и боялся этого. А вечером того же дня заглянул отец. Принес немного денег и спросил, не приходила ли Марта.

— Приходила.

— Она не мешает тебе?

— Она приготовила курицу.

— Мама не звонила?

— Звонила. Она будет сопровождать Глеба в Австрию.

— Я соскучился по ней.

Сергей Петрович сидел в прихожей на потертом бархатном пуфе и качал головой. Плащ его совсем промок, со шляпы, которую он держал большими белыми руками, текло, бледное его

лицо было озабочено: он вечно находился в поисках денег, поскольку хлеб настройщику приходится добывать, мотаясь по всему городу.

— Марта молчит, но я-то знаю, что она дует-ся на меня, — хочет купить три метра шифона, а денег нет. Хотел у Лизы занять, а она, ты говоришь, в Австрию уезжает.

Митя представил себе, как его мать протягивает отцу деньги на шифон для Марты. Эти странные, на его взгляд, отношения между ними всегда удивляли его. А его собственные отношения с Мартой разве не странны и удивительны?

Она не приходила весь март. Дмитрий за то время — благо ему не мешали — успел сделать пятьдесят рисунков углем. На всех были изображены двое: он и Марта. Они меняли позы, двигались как им заблагорассудится. Марта и он жили в них своей прозрачной черно-белой жизнью. У Марты постепенно изменялись прическа, линия носа и губ, потом в волосах появилось несколько оранжевых прядей, которые изо дня в день становились все более рыжими, она успела похудеть за месяц непрерывных занятий любовью. На последнем рисунке был уже только он, от женщины, которая страстно обнимала его все эти дождливые дни, остался лишь золотой ореол. *Он* поглотил ее. И вот тогда пришла Мар-

та. Дмитрий не показал ей рисунки, он надежно спрятал их в папку и крепко завязал тесьмой.

— Надо бы повторить тушью, — задумчиво и отрешенно сказал он, увидев ее на пороге.

— Ты это о чем?

Она стояла перед ним в черном платье с фиолетовой косынкой на шее, волосы собраны на затылке, глаза — черное в лиловом — блестят, пахнет от нее молодой тополиной липкостью и мокрой травой.

— Ни о чем, — ответил он и понял вдруг, что наконец наступило долгожданное тепло. — Вы на дачу?

Он почувствовал себя маленьким мальчиком, которому наскучили школьные занятия и зимняя скука, и он ждет, что его возьмут с собой на дачу.

— На дачу. — Марта обняла его и коснулась своими прохладными губами его лица.

Дачный поселок довольно долго томился без зелени, все готовился, очищался, дымился прошлогодними листьями, и к началу мая словно чья-то невидимая рука густо вымазала низ древесных стволов белым. Вслед зазеленели ветки, закипела бело-розовая пена в садах, зажужжали черно-желтые бархатные пчелы.

Отец упорно продолжал топить камин, часто кипятил чайник и беспрестанно пил чай с молодой мятой. Марта слушала музыку по приемнику, мыла окна, строчила на старой зингеровской машинке желтые шторы на окна, перекрашивала рамы на веранде и двери в голубовато-белый цвет. Митя от этих весенних приготовлений просто пьянел, ходил на речку, подолгу смотрел на противоположный берег и хотел все увиденное вместе с запахами, блеском синей холодной речной воды, пухлыми облаками, холмами, покрытыми зелено-желтой шерстью и вишнево-яблоневыми цветами, увезти к себе на Семи-реченскую, в мастерскую, чтобы весь будущий год дышать этой весной, этой целительной сыростью и сладостью.

Красок было мало, денег тоже. Это угнетало и заставляло время от времени звонить в город матери, но длинные гудки в трубке убивали последнюю надежду.

Взвалив на спину этюдник, Митя уходил далеко от поселка, располагался на возвышенности и писал. Он во время таинства, которое простые люди зовут работой, не ощущал ни голода, ни начинающегося дождя, ни солнцепека. Ему казалось, что он впитывает в себя все — все краски, которые заключает в себе молочно-дымный туман, окутывающий сосны и берега, золо-

той горячий луч солнца, пронизывающий воду до самого дна, рыжий плес и даже стаю диких гусей.

Однажды там его нашла Марта. Она принесла ему поесть, и он ослабел, снова превратившись в нормального человека, который любит и утреннее молоко, которое Марта покупала в соседней деревне Кукушкино, и олады, и зеленый лук с ржаным хлебом. Он насытился и некоторое время лежал на траве, глядя в небо. Уснул, а проснулся от жгучего наслаждения, он был не мужчиной в то мгновение, а больше — рабовладельцем, и женщина услаждала его так неистово, с такой страстью и рвением, словно, не делай она этого, он прикажет убить ее. Так можно любить, только когда нависает смерть. И он испугался, вскочил с земли разгоряченный, стыдливо прикрываясь руками, а Марта, подняв голову со спутанными волосами, темно-красными щеками и пьяным взглядом лиловых глаз, вдруг расплакалась. День был испорчен. Пейзаж — смазан. Она ушла, быстро удаляясь по тропинке и унося, как сосуд с драгоценной влагой, свою нерастраченную, болезненную и страшную любовь.

И сразу же вдруг сделалось темно, крупные, с вишню, капли упали на свежие краски на холсте. Митя едва успел собраться и пробежать несколько шагов, как с неба хлынула дождевая

река, теплая и мощная. Прогремел гром, потом еще и еще. Митя забежал под крону старого дуба, весь вымокший, потерявший дар речи от всего, что произошло с ним в последние четверть часа. Через какое-то время он пришел в себя и увидел синий густой дождь — шумный водопад, сквозь прозрачную сеть которого просматривался сиренево-зеленый луг, на нем три белые козочки и старуха в черном капюшоне, сидящая на табурете и делающая вид, что не замечает дождя. Неожиданно под дуб забежала девушка в натянутой на голову кофте и двое маленьких детей в грязно-белых штанишках и рубашках. Мальчику было года три, девочке и того меньше. Девушка повернула к Мите свое лицо, стащила с головы кофту и тряхнула не успевшими промокнуть густыми рыжими волосами. На фоне мокрой листвы, в этой зеленой влажной тени дуба белое лицо ее с большими темными глазами и полуоткрытым темно-красным ртом было похоже на иконописный лик. Девушка была в желтом сарафане, сквозь вязаную кофту просвечивало нежное белое тело. Дождь как-то неожиданно прекратился, девушка подхватила на руки девочку, взяла за ладошку мальчика и, улыбнувшись Мите и пробормотав: «Нам пора», выбежала из укрытия и растворилась в мокрой зелени ивовых зарослей. Митя вышел на луг, огляделся: ни де-

вушки, ни детей. Может, их и не было? А может, они спустились с небес? Как странно. А как же крохотная коричневая родинка над верхней губой незнакомки? Неужели тоже померещилось?

Выглянуло солнце, Митя побрел к дачному поселку.

Отец ушел на пляж, и Марта принесла Мите чашку кофе. Села рядом на постели, такая милая, теплая, родная, как мать, и погладила его по голове.

— Ты опять пойдешь сегодня?

— Пойду. Погода-то какая, Марта, ты только посмотри!

Он потянулся, она провела рукой по его груди и ниже, вздохнула. Они посмотрели друг на друга, и Митя в ответ на зовущий взгляд, не в силах совладать со своей неуправляемой мужской силой, опрокинул Марту, распахнул тоненький розовый халатик и, как щенок, истосковавшийся по теплomu животу своей матери, стал тереться о нее, постанывая, и, как в намагниченном туннеле, сначала взвился над ней, а потом, рыча и покусывая ее плечи и шею, задвигался, то приближаясь, то отдаляясь от цели, ввинчиваясь в еще не до конца изведанный им мир, состоящий из великого множества складочек, лепестков, цветов, сока, волос и возбуждающих его звуков.